

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

СЦЕНЫ «ОХОТЫ» В РОСПИСИ ПАНТИКАПЕЙСКОГО СКЛЕПА 1841 Г.

В условиях разнообразного природного ландшафта, существовавшего в древности на территории Боспорского царства, от обширных степных пространств до отдельных районов лесных, лесостепных массивов и заболоченных местностей, охота всегда имела определенное, но не определяющее, значение для жизни его населения. Подсобной ролью охоты объясняется сравнительно небольшой процент - обычно около 1,3-1,5% - костей диких животных (благородный олень, лось, сайга, кулан, лисица, заяц, дикий кабан, барсук, ласка) среди общей массы остеологического материала¹, причем интересно отметить, что в боспорских городах они встречаются чаще, чем на сельских поселениях, и представленные среди них виды гораздо разнообразнее². Вероятно, это связано с возможностью для части горожан выезжать поохотиться в поросшие лесом районы, речных долин и предгорий, да и городской рынок предоставлял большие возможности для сбыта охотничьей добычи. Свою роль могло сыграть и отношение греков к охоте, которая рассматривалась как занятие, необходимое каждому гражданину, а особенно юношам, для развития ловкости и силы. Наиболее распространенной добычей, судя по находкам костей, были зайцы и лисицы. Кстати, Ксенофонт в своем трактате „О псовой охоте“, говоря о животных, представлявших интерес для охотников, ставил именно зайцев на первое место, уделяя значительно меньше внимания оленям и диким кабанам и тем более таким животным, как львы, леопарды, рыси и пантеры³.

В боспорском искусстве сюжеты, так или иначе связанные с охотой, весьма немногочисленны и среди них, безусловно, выделяется изобразительный декор большого склепа, раскопанного в 1841 г. директором Керченского музея Антоном Ашиком в некрополе Пантикапея на горе Митридат⁴. Эта двухкамерная

гробница, по-видимому, была местом царского захоронения и отличается торжественной фресковой росписью, запечатленной только в копиях, выполненных в течение двух недель после ее открытия. Наряду с такими сценами как пышная погребальная процессия, загробная трапеза, победоносное конное сражение там были представлены и схватки людей с дикими животными. Почти все они связаны с фресками на стенах первой камеры склепа, где мы видим конных охотников в обычной для боспорцев одежде: длинный, до колен, хитон с короткими рукавами, перетянутый поясом, обтягивающие штаны и небольшие кожаные сапожки на ногах. На боковой стене представлены вооруженные копьями всадники, каждый из которых противостоит какому-нибудь зверю. Два крайних, сражающихся с медведем и кабаном, держат копьё двумя руками и обращены к центру композиции, где находится фигура юноши, занесшего копьё вверх правой рукой и поражающего оленя (Рис. 1). Длина таких копий, если пропорции изображения хотя бы приблизительно выдержаны, должна была составлять около 2,5 м. То, что охотники держат их обеими руками, наводит на мысль об утяжелении данного оружия за счет веса наконечника и толщины древка, особенно в тех случаях, когда приходилось иметь дело с крупными дикими зверями⁵.

Еще две сцены охоты представлены в нижнем ярусе задней стены первой камеры, по обе стороны от арочного прохода, к которому обращены фигуры двух конных персонажей. Один из них изображен готовящимся сразиться стрелой из мощного лука так называемого «гуннского» типа поднявшегося на задние лапы хищника, судя по пятнам на шкуре, леопарда. Всадник справа, держа двумя руками копьё, наносит смертельный удар в горло какому-то копытному животному (Рис. 2). Правда, занимавшийся анализом этих фресок М. И. Ростовцев, вопреки собственному мнению об их бытовом характере, почему-то полагал, что слева изображен „ставший на дыбы грифон“, хотя у него

¹ В. И. Цалкин, *Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа*, МИА, № 53, 1960, с. 89.

² И. Т. Кругликова, *Сельское хозяйство Боспора*, Москва 1975, с. 214-215.

³ Xen. *Cynoget.* I-XIII.

⁴ А. Б. Ашик, *Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками*, Одесса 1845.

⁵ Ср.: Н. А. Сидорова, *Новые открытия в области античного искусства*, Москва 1965; А. П. Чубова, *Искусство Римской Африки*, Москва 1979, с. 206, илл. 107.

Рис. 1. Конные „охотники” в росписи правой стены первой камеры склепа 1841 г.
Mounted “hunters” from the painting on right wall in the first chamber of tomb 1841.

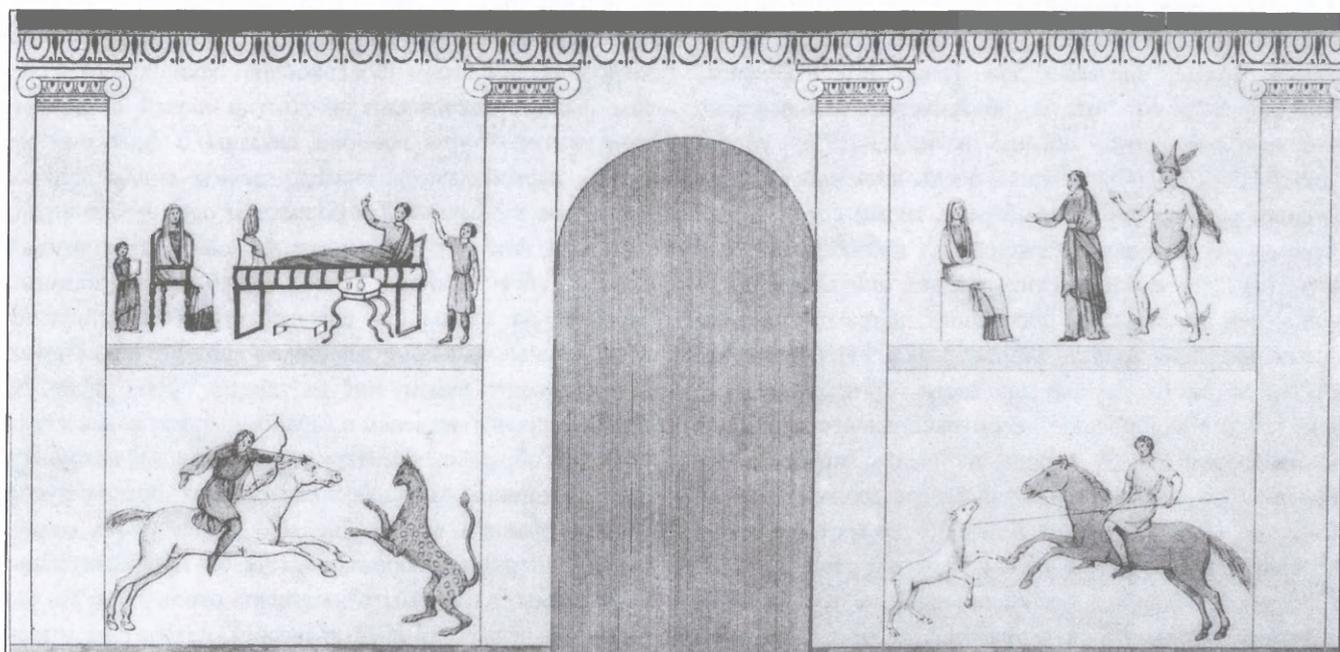

Рис. 2. Изображения всадников на задней стене первой камеры склепа 1841 г.
Representations of riders on the back wall in the first chamber of tomb 1841.

отсутствуют крылья, а справа – „хищник, может быть пантера”⁶, что, при наличии копыт у этого животного, совершенно невозможно.

Относительно первой сцены следует сказать, что это единственный для Боспора пример изображения в действии лука „гуннского” типа⁷. Такой мощный сложносоставной лук имел достаточно большие размеры - не менее 1,2 м. Наличие прямой негнувшейся рукояти и выступающих вперед крутых эластичных плечей с костяными накладками значительно увеличивало его дальность, которая позволяла

поражать цель со значительного расстояния⁸. Всадник, скачущий вправо, держит лук под небольшим углом вниз. Четырьмя пальцами левой руки он сжимает его прямую рукоять, а большой, прижатый сверху справа от нее, служит направляющим для стрелы. Тетива оттянута правой рукой назад, до плеча, с использованием согнутого большого пальца при помощи указательного и среднего, что соответствует наиболее совершенному, так называемому «монгольскому» способу стрельбы⁹.

⁸ G. Rausing, *The Bow. Some notes on its Origin and Development*, Lund 1967, P. 69; В. Н. Каминский, *О конструкции лука и стрел северокавказских аланов*, „Краткие сообщения Института археологии”, вып. 170, 1982, с. 49; В. А. Горончаровский, *Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени*, Москва-Санкт-Петербург 2003, с. 72-77.

⁹ Е. В. Черненко, *Скифские лучники*, Киев 1981, с. 118-119.

⁶ М. И. Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*, Санкт-Петербург 1913, с. 354.

⁷ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, табл. LXXXIX, 2.

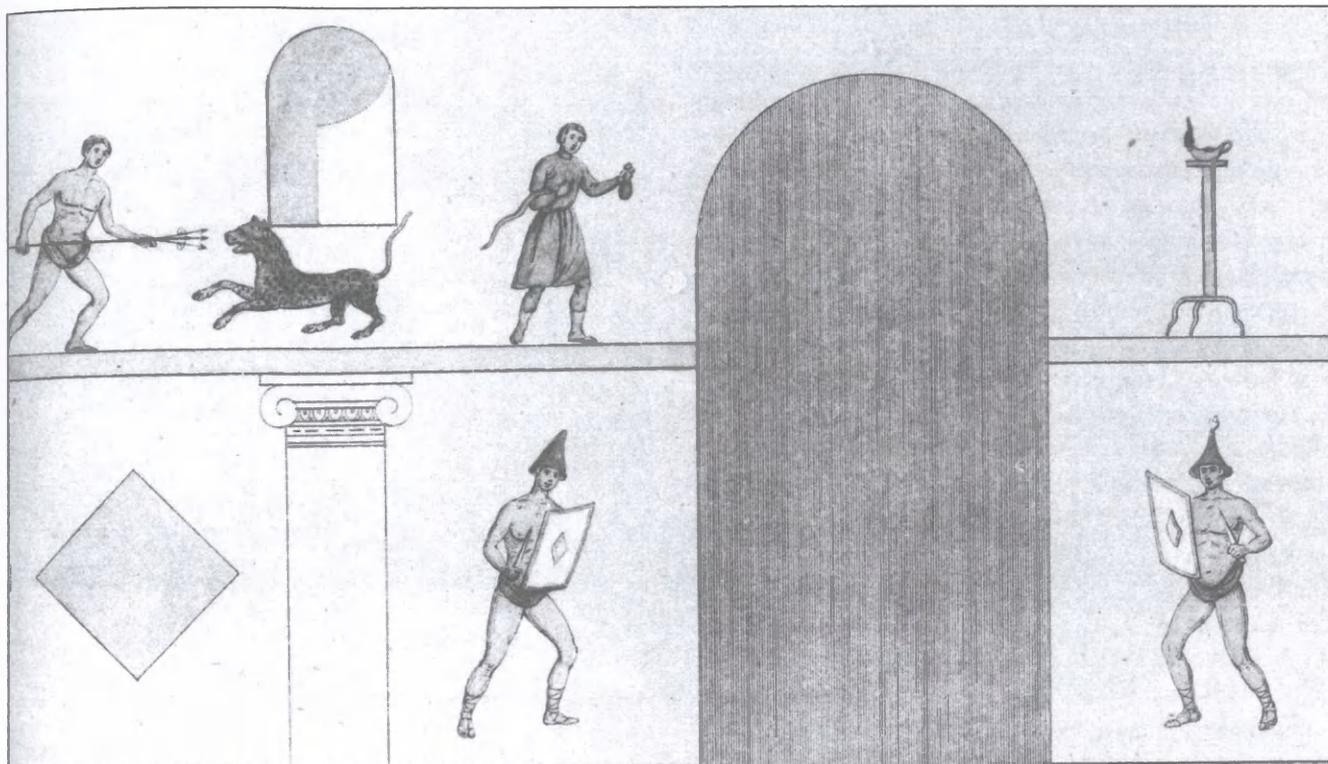

Рис. 3. Венатор и гладиаторы в росписи второй камеры склепа 1841 г.
Venator and gladiators from the painting in the second chamber of tomb 1841.

Рис. 4. Изображения венаторов на боспорских деревянных саркофагах: 1 - из гробницы 1900 г. в усадьбе Фельдштейна;
2 - из склепа 1883 г. в саду Золотарева.
Representations of venators on the Bosphoran wood sarcophaguses: 1 - from the tomb 1900 in the Feldshtein's country house;
2 - from the tomb 1883 in the Zolotarev's garden.

Для М. И. Ростовцева, как в свое время для А. Б. Ашика, все описанные сюжеты на фресках склепа 1841 г. имеют отношение именно к охоте и, как и прочие, демонстрируют «выдающиеся типичные черты жизни» покойного, дающие ему „право на звание и почести, довлеющие герою”¹⁰. Но так ли это? Хотя в дальнейшем другие исследователи целиком приняли эту трактовку росписи склепа¹¹, особенно не утруждая себя детальным рассмотрением отдельных сюжетов, в аннотации

к воспроизведенному в популярной книге В. М. Брабича и Г. С. Плетневой „Зрелища древнего мира” фрагменту фрески из склепа 1841 г. с изображениями трех схваток со зверями противостоящие им всадники были названы не охотниками, а бестиариями, от лат. *bestia* – „зверь”¹². Тем самым, пусть и вскользь, отдельные сюжеты фресок первой камеры впервые были объединены с некоторыми сценами из второй, которые М. И. Ростовцев ранее связал с воспоминанием „о данных погребенным больших гладиаторских играх, может быть одних из первых

¹⁰ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 373; см. там же с. 353, 354.

¹¹ См., напр.: В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, Москва-Ленинград 1949, с. 414; V. F. Gajdukevic, *Das Bosphorische Reich*, Berlin-Amsterdam 1971, S. 440.

¹² В. М. Брабич, Г.С. Плетнева, *Зрелища древнего мира*, Ленинград 1971, с. 37.

в столице Боспорского царства”¹³. Он тоже использовал термин „бестиарий” в значении „звероборец”, но только по отношению к персонажу изображенной на входной стене второй камеры склепа сцены поединка с леопардом или пантерой вооруженного трезубцем полубога человека (Рис. 3). Почти аналогичные по композиции изображения присутствуют на ажурных рельефах двух деревянных саркофагов местной работы, обнаруженных в районе Пантикапея: в расположенных по соседству гробницах конца I – начала II вв. н.э.: в саду Золотарева (1883 г.) и из насыпи склепа в усадьбе Фельдштейна (1900 г.). Против льва здесь выступает в одном случае одетый в длинный хитон персонаж с трезубцем (рис. 4, 1), в другом – обнаженный человек с копьем (рис. 4, 2)¹⁴. Отношение их к гладиаторским играм, конечно, несомненно, но называть таких участников происходивших на арене представлений „бестиариями”¹⁵ не совсем корректно, так как этот термин обозначал представителей самой низшей ступени среди тех, кто сражался на арене против диких животных. Бестиарии, выступавшие пешими, лишь демонстрировали свою ловкость в обращении со зверями и дразнили их куском ярко окрашенной ткани или кнутами и факелами, подготавливая появление на арене профессиональных „охотников” - венаторов, от лат. *venatio* – „охота”¹⁶.

Оружие венатора на фреске 1841 г. имеет укороченное древко и необычную V-образную форму металлической части с тремя остриями. Аналогичные предметы охотничьего вооружения, но с двумя остриями, имеются в руках как пешеходов, так и конных охотников на зайцев на мозаиках IV в. н.э. из виллы в Пьяцца Армерина на Сицилии (Рис. 5) и Фисдруса в Тунисе¹⁷. Хотя нет ни одного изображения, где бы трезубец присутствовал в руках профессиональных римских венаторов, обычно использовавших охотничье копьё - *венабул*, возможно, такой специфический тип охотничьего оружия действительно иногда использовался на Боспоре против крупного зверя. Об этом говорит одна весьма существенная деталь: и на фреске 1841 г., и на саркофаге 1900 г., на некотором расстоянии от расходящихся заостренных концов трезубца имеется выгнутая наружу

Рис. 5. Конный охотник за зайцами. Деталь мозаики из виллы Пьяцца Армерина в Сицилии.
Mounted hunter for hares. Detail of mosaic from the Piazza Armerina villa on Sicily.

перекладина. В использовавшемся в римский период охотничьим оружием типа рогатины она должна была удерживать раненого зверя на определенной дистанции, иначе он, все более наваливаясь, мог бы достать венатора лапой¹⁸. Древко на фреске 1841 г. укорочено, судя по всему, чтобы венатор имел возможность в сложной ситуации для большей устойчивости упереть его себе в грудь.

М. И. Ростовцев вполне обоснованно связал рассмотренный сюжет с находившимися по соседству изображениями четырех поединков, считая, что все эти сцены относятся к проводившимся на Боспоре гладиаторским играм¹⁹. В данном случае по обе стороны от входа, была представлена пара противостоящих друг другу гладиаторов, практически одинаково одетых и вооруженных (Рис. 3). Из одежды на них только повязка-сублигакул, на ногах - сандалии с ремешками, обвивающими голени. Голова в обоих случаях закрыта высоким коническим шлемом без забрала, при этом тот, что справа, дополнен небольшим трехчастным навершием. Реальные прототипы таких шлемов, распространенные в сарматской среде, имели характерную для этой области античного мира каркасную основу, на которой крепились вертикальные металлические полосы²⁰. У гладиатора слева от входа в одной руке кинжал, в другой – небольшой,

¹³ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 357.

¹⁴ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 266 и сл.; Н. И. Соколовский, *Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья*, САИ. Г1-17, Москва 1969, табл. 39, 2; 42, 1.

¹⁵ См. также: В. Д. Блаватский, *О культуре римских императоров на Боспоре* [в:] *Античная археология и история*, Москва 1985, с. 193; Г. А. Цветаева, *Боспор и Рим*, Москва 1979, с. 116-117.

¹⁶ M. Junkelmann, *Familia Gladiatoria: The Heroes of Amphitheatre* [in:] *Gladiators and Caesars*, London 2000, P. 71; К. С. Носов, *Гладиаторы*, Санкт-Петербург 2005, с. 27.

¹⁷ Н. А. Сидорова, *Новые открытия в области античного искусства*, Москва 1965, с. 201; К. С. Носов, *Гладиаторы ...*, с. 156.

¹⁸ Ср.: Н. А. Сидорова, *Новые открытия в области античного искусства*, Москва 1965; А. П. Чубова, *Искусство Римской Африки*, Москва 1979, с. 206, илл. 107; К. С. Носов, *Гладиаторы ...*, с. 27.

¹⁹ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 356-358.

²⁰ В. А. Горончаровский, *Между Империей ...*, с. 80-84.

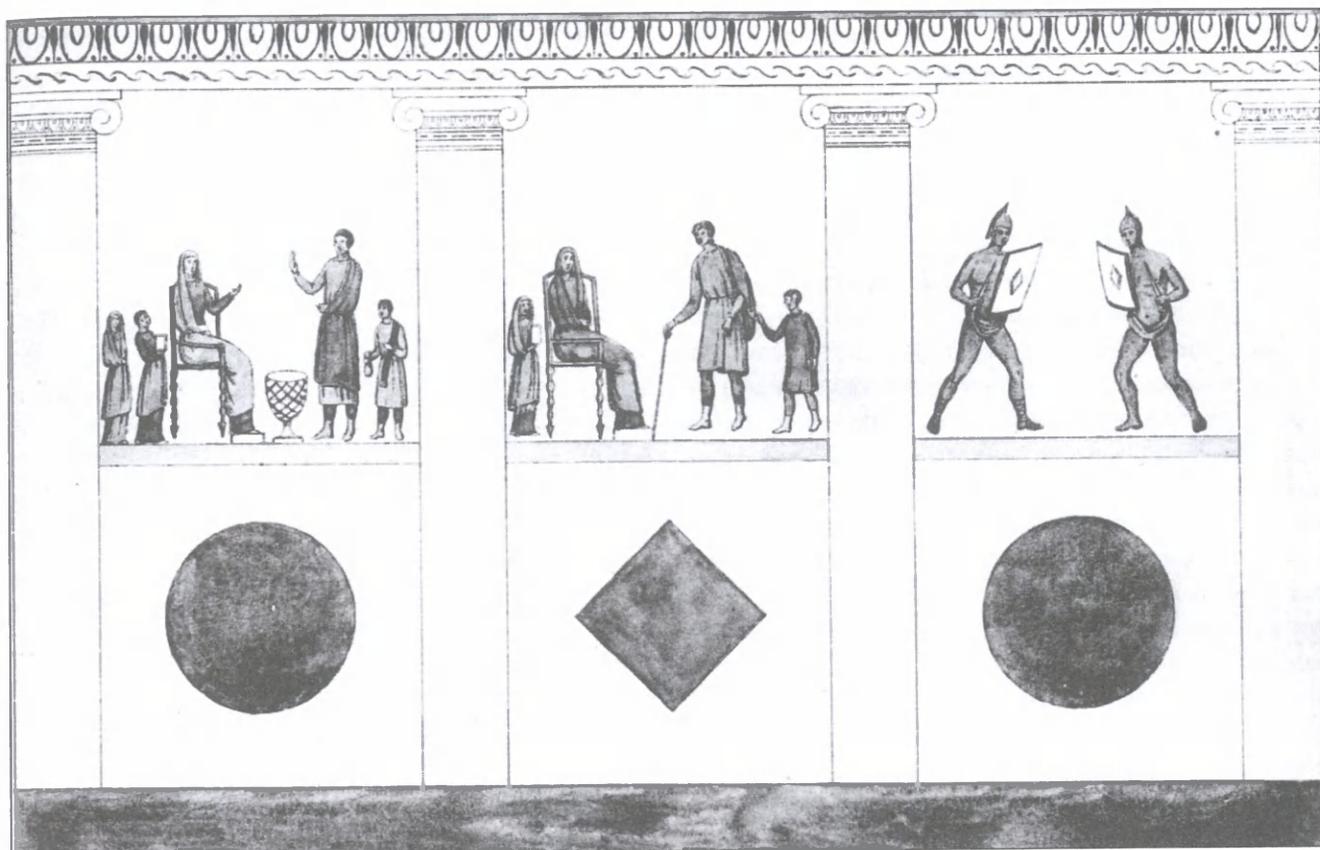

Рис. 6. Изображение поединка гладиаторов на левой боковой стене второй камеры склепа 1841 г.
Representation of the duel of gladiators on the left side wall in the second chamber of tomb 1841.

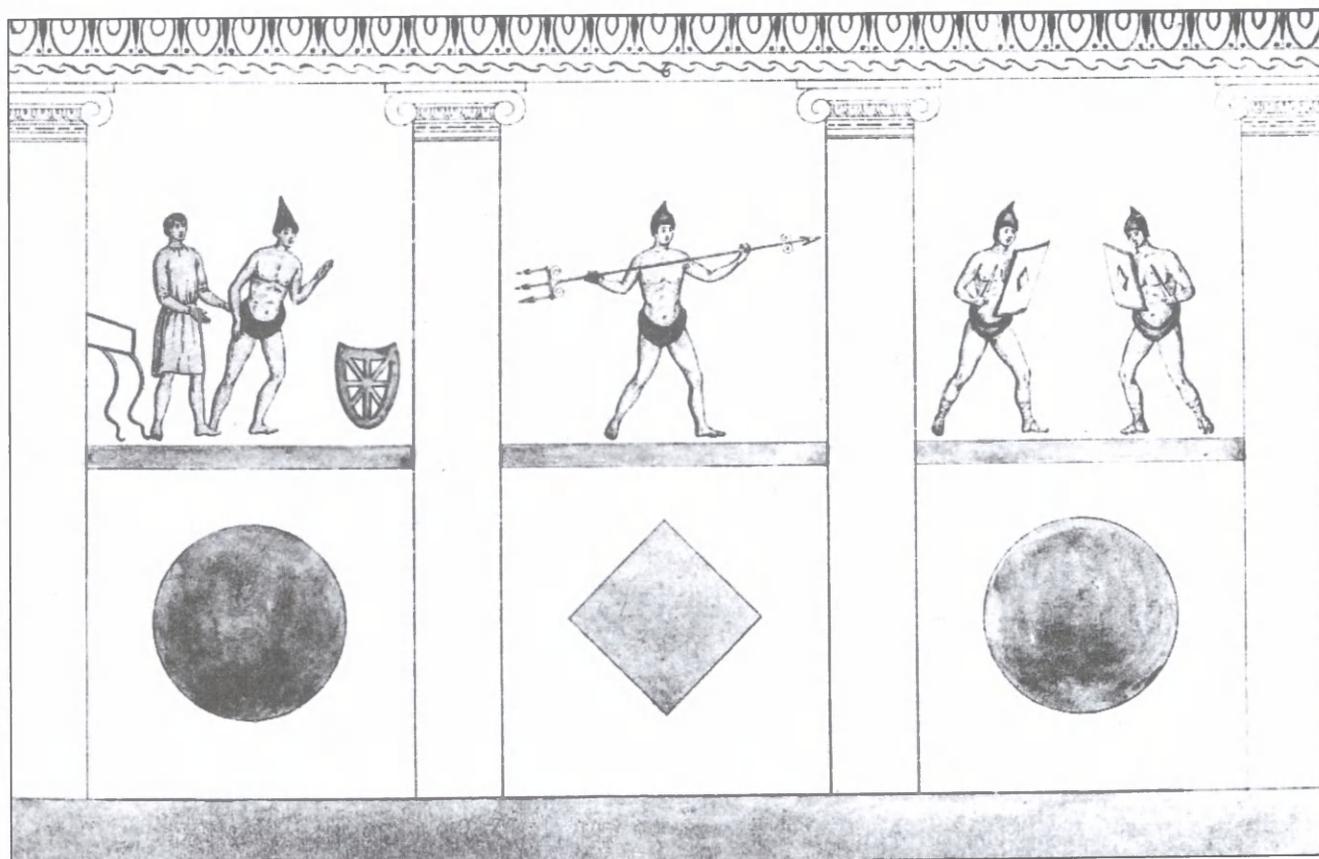

Рис. 7. Изображение поединка гладиаторов на правой боковой стене второй камеры склепа 1841 г.
Representation of the duel of gladiators on the right side wall in the second chamber of tomb 1841.

слегка выгнутый щит прямоугольной формы, с ромбическим умбоном в центре и полосой обивки по краю. Предметы вооружения соперника размещены в зеркальном порядке, что можно объяснить только стремлением древнего живописца добиться абсолютной симметрии в изображении двух человеческих фигур относительно входа²¹.

Имеющийся в данном случае комплект легкого вооружения: шлем, щит, кинжал, - без дополнительных средств защиты не соответствует полностью ни одному из известных типов гладиаторской экипировки. Некоторую близость, имея в виду укороченный прямоугольный щит и кинжал, можно усмотреть только с вооружением „фракийцев”. Это наблюдение подтверждается находившимися в правом углу верхнего яруса продольных стен второй камеры и практически аналогичными сценами двух поединков (Рис. 6, 7), где их участники изображены в шлемах с назатыльником и характерным для «фракийцев» загнутым вперед гребнем. В центре правой боковой стены склепа, вероятно, для того, чтобы разнообразить сюжеты, представлен боспорский „ретиарий” с трезубцем, имеющим вток в виде заостренного наконечника. Он отличается от устоявшегося к этому времени римского типа легковооруженного ретиария, с одной стороны - наличием шлема, с другой - отсутствием защитного рукава (маники) и наплечника (галера) на левой руке, сети, кинжала и стеганых матерчатых обмоток на ногах (фасций). Левее размещена сцена с двумя персонажами, одного из которых, в коническом шлеме, вероятно, готовят к выходу на арену.

Что же является общей чертой запечатленных на стенах склепа 1841 г. пеших боспорских гладиаторов? Безусловно, их почти полная незащищенность. Понятно, что без маники на руке, широкого пояса и других деталей обычной экипировки гладиаторов поединок становился слишком скоротечным. Но, может быть, так и было задумано? Скорее всего, мы видим здесь тот тип бойцов на арене, который ни разу не удостоился чести быть отраженным в памятниках искусства Римской империи. Это так называемые грегари, набравшиеся из числа обреченных на смерть военнопленных или преступников, жизнь которых не стоила ничего²². Такая ситуация вполне понятна, так как на Боспоре отсутствовала собственная гладиаторская школа, а приглашать ветеранов амфитеатров издалека было слишком дорогим удовольствием. Впрочем, полностью исключить присутствие на пантикапейской арене, немногочисленных местных любителей, готовых за деньги продемонстрировать свое воинское мастерство, вряд ли возможно. Такой сценарий

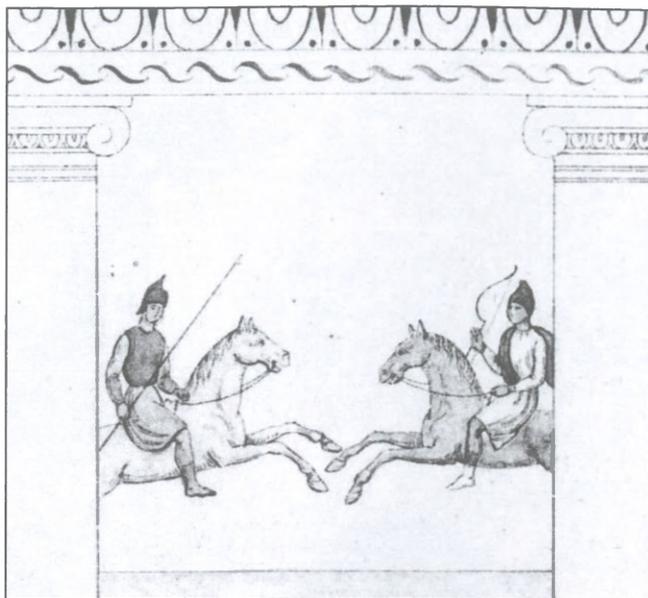

Рис. 8. Поединок всадников в росписи задней стены второй камеры склепа 1841 г.

Duel of riders in the painting on the back wall in the second chamber of tomb 1841.

с разовыми выступлениями в роли гладиатора, без всяких дальнейших обязательств, представляется достаточно обычным для многих периферийных греческих центров. В этой связи обращает на себя внимание одна из сцен верхнего яруса второй камеры склепа, где навстречу друг другу устремляются два конных воина. Слева скачет облаченный в короткий панцирь без рукавов всадник в уже знакомом нам шлеме с гребнем и назатыльником и с копьем в правой руке, а справа - персонаж без доспеха, но полностью одетый, с головным убором, напоминающим кожаный башлык, и луком „гуннского” типа (Рис. 8).

Теперь вновь вернемся к сценам с конными «охотниками» из склепа Ашика. Очевидно, они полностью вписываются в картину проведения на Боспоре гладиаторских игр. Судя по последовательности сюжетов представление здесь, как и в Риме, после торжественного прохождения всех его участников перед зрителями, начиналось звериной травлей с участием конных и пеших венаторов, которым в местных условиях вряд ли требовалась специальная подготовка. Если учесть, что в декоре склепа представлено пять сцен схваток всадников с дикими животными и только один пеший венатор, а поединков между людьми всего четыре, то предпочтение, отданное конной „охоте”, видимо, следует объяснять ее большим соответствием условиям жизни людей того времени, связанной со степными районами Восточного Крыма и Прикубанья, где слишком часто приходилось, сидя верхом, демонстрировать свои навыки владения луком и копьем. По-видимому, такое зрелище находило больший отклик среди населения столицы царства что, соответственно, повлияло на структуру представлений, призванных обеспечить популярность

²¹ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 356.

²² В. А. Горончаровский, *Гладиаторы в бою*, Москва 2008, с. 225.

их организатору. И это притом, что в Риме травля зверей конными венаторами проводилась редко и выглядела достаточно экзотично²³.

Во второй части игр демонстрировались, главным образом, выступления грегариев, перемежавшиеся редкими схватками конных непрофессиональных бойцов. Едва ли в Пантикапее существовал специальный амфитеатр для проведения гладиаторских состязаний. Очевидно, как и во многих провинциальных греческих городах на территории империи (например, в малоазийском Афродисии, кипрском Курионе или Афинах), представления устраивались в местном, слегка переоборудованном театре, совмещавшем, таким образом, сразу несколько функций²⁴.

Вряд ли гладиаторские игры на Боспоре могли устраивать частные лица по причине дороговизны подобного рода зрелищ, скорее это входило в компетенцию царской администрации. Введению этой практики предшествовало укрепление контактов с Римом при царе Аспурге (10-38 гг.), что привело к введению в титулатуру боспорских правителей такого элемента, как „друг цезаря и друг римлян”. С этого времени римско-боспорские отношения строились на основе договора о дружбе (*amicitia*), который при вступлении на престол нового царя подразумевал подтверждение его полномочий непосредственно в Риме. Последней попыткой избавиться от этой зависимости стала Боспорская война 45-49 гг., которую непокорный царь Митридат VIII (39-45 гг.) вел против римских войск и своего младшего брата Котиса, занявшего при их поддержке боспорский трон. Видимо, долгое пребывание в Пантикапее воинского контингента под командованием Гая Юлия Аквилы и подчеркнутое романофильство нового царя способствовали введению, по крайней мере, в столице, нового вида зрелищ. Возможно, тут сыграло свою роль стремление римских солдат и командиров получить здесь привычный набор развлечений, а также изменившиеся вкусы части состоятельных горожан, которые хотели продемонстрировать свою лояльность по отношению к представителям новой власти. Это тем более вероятно в связи с тем, что на востоке империи организация гладиаторских боев была тесно связана с отправлением императорского культа²⁵, а он был введен на территории Боспорского царства как раз при Котисе I (45-68 гг.).

Не исключено, что именно царю Котису и принадлежала открытая А.Б.Ашиком гробница с фресковой росписью, демонстрировавшей сюжеты, соответствовавшие высокому статусу погребенного

и, в том числе, видимо, данное в память о нем представление с участием венаторов и гладиаторов. Предлагаемое сужение датировки склепа 1841 г., по сравнению с той, что предлагал М.И.Ростовцев: вторая половина I – начало II в.²⁶, - до второй четверти I в. находит себе подтверждение при анализе ряда деталей его декора. С одной стороны, это чрезвычайная близость представленной в нем трактовки сюжета похищения Керы Плутоном к росписи пантикапейского склепа Деметры²⁷, датирующегося временем около середины того же столетия, с другой - особенности орнаментальных украшений нижнего яруса двух стен этого погребального сооружения. Изображенные здесь цветные окружности (Рис. 7, 8) невольно заставляют вспомнить об упомянутом Сенекой модном увлечении римлян в первой половине 60-х гг. I в.: „Любой сочтет себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами...”²⁸. Дальнейшее развитие этого орнаментального стиля на Боспоре демонстрирует уже упоминавшийся расписной склеп Фельдштейна конца I в., где плоскость стен вместо изображений массивных колонн, как в склепе 1841 г., разделена перевязанными посередине тирсами на отдельные секции, в которые вписаны круги и ромбы²⁹.

В целом, практика организации звериной травли и гладиаторских игр в Боспорском царстве, как и во многих греческих центрах Римской империи, не получила широкого распространения. Даже глиняные светильники местного производства с изображением гладиатора-«фракийца», подражающие италийским³⁰, как и упомянутые резные украшения деревянных саркофагов со сценами «венацио», выходят из моды уже к рубежу I-II вв. н.э. Кровавые зрелища остались чуждыми основной массе населения боспорских городов и, видимо, периодически проводились только там, где существовали храмы, связанные с культом римских императоров, или временно размещались подразделения римской армии.

²³ К. С. Носов, *Гладиаторы ...*, с. 27.

²⁴ M. Grant, *Gladiators*, New York 1995, P. 88.

²⁵ Ср.: М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 357; В. Д. Блаватский, *О культе римских императоров на Боспоре* [в:] *Античная археология* 1985, с. 193.

²⁶ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, с. 375.

²⁷ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, табл. LVIII; LXXXIX, 1.

²⁸ Sen. Ep. mor. ad Luc. LXXXVI. 6.

²⁹ М. И. Ростовцев, *Античная ...*, табл. LXVIII-LXX.

³⁰ О. Ф. Вальдгауэр, *Античные глиняные светильники*, Санкт-Петербург 1914, с. 12, 37.

Summary

Streszczenie

Vladimir Goroncharovskiy

Scenes of "hunting" in the painting of Panticapaeum's tomb of 1841

Painting of Panticapaeum's tomb discovered in 1841 (3rd quarter of the 1 century AD) is a unique monument of Bosporan art, which shows a picture of carrying out gladiatorial games on the Bosporus. By sequence of subjects, as well as in Rome, after solemn passage of all participants before spectators, a performance began by animal persecution with participation pedestrian and horse's venators. If to consider that in a decor of the tomb five scenes of fights of horsemen with wild animals and only one pedestrian venator are presented, but duels between people only four times, probably, it is necessary to explain the preference given to horse "hunting" by its greater conformity to conditions of a life of people of that time, connected with steppe areas of East Crimea and Kuban region where it was necessary too often to show the skill of possession by bow and spear. Apparently such show found the greater response among the population of capital of kingdom that has influenced on structure of shows. In the second part of games, because of absence of own gladiatorial school, performances of gregarioi (gladiators from doomed on death the prisoners of war and criminals) and rare fights of horse nonprofessional fighters were shown. As a whole practice of the organization of animal persecution and gladiatorial games in Bosporan kingdom, as well as in many Greek centers of Roman empire, has not received a wide circulation. Bloody shows have remained alien for the population of Bosporan cities. Probably they were periodically spent only in those places, which were connected with a cult of the Roman emperors and temporary accommodation of subunits of the Roman army.

Malowidło z grobowca w Pantikapajonie, datowanego na drugą połowę I w. n.e., odkrytego w 1841 r., jest unikalnym pomnikiem sztuki bosporańskiej. W cyklu scen przedstawiono walki gladiatorów nad Bosforem. Podobnie jak w Rzymie, po majestatycznym przemarszu uczestników przed publicznością, rozpoczyna się przedstawienie obejmujące walki ze zwierzętami z udziałem pieszych i konnych gladiatorów. Biorąc pod uwagę fakt, że na malowidle grobowym przedstawiono pięć scen walk konnych gladiatorów z dzikimi zwierzętami i tylko jedną scenę z udziałem pieszego zawodnika, jak również cztery walki między ludźmi, uwagę zwraca szczególnie preferencja dla łowów konnych. Przyczyną mógł być bliższy związek tego typu walk ze stylem życia współczesnych ludzi, żyjących na stepowych terenach wschodniego Krymu i regionu Kubania, gdzie umiejętność posługiwania się łukiem i włócznią okazywała się nieodzowna. Najwyraźniej pokazy takie były lepiej odbierane przez mieszkańców stolicy kraju, co wpłynęło na strukturę przedstawień. W drugiej części walk, z powodu braku własnych szkół gladiatorów, odbywały się pokazy walk gregarioi (gladiatorów wywodzących się ze skazanych na śmierć jeńców i kryminalistów) oraz występy amatorów. Ogólnie rzecz biorąc zwyczaj organizowania walk gladiatorów i walk ze zwierzętami w Królestwie Bosporańskim i licznych greckich ośrodkach Cesarstwa Rzymskiego nie zyskał dużej popularności. Krwawe pokazy pozostały obce mieszkańcom bosporskich miast. Prawdopodobnie były one okresowo organizowane w miejscach związanych z kultem cesarzy rzymskich i miejscach czasowego postoju pododdziałów rzymskiej armii.